

Чехов и его современники о проблеме соотношения полов (теория)

Творчество А.П.Чехова относится к концу XIX века. Именно в это время “женский вопрос” становится одним из наиболее актуальных и обсуждаемых в русском обществе. К началу 80-х годов имена многих зарубежных мыслителей, затрагивающих в своих работах эту проблему, уже широко известны отечественному читателю: Д.С.Милль, Г.Г.Бокль, Г.Спенсер (выступающие за равенство женщин), М.Нордау, Ф.Ницше, А.Шопенгауэр (отрицающие такую возможность). Среди русских ученых в обсуждении “женского вопроса” еще в 70-е годы намечаются два основных направления: “эмансипаторы” (Н.Шелгунов, Г.Благосветлов) и “консерваторы” (Н.Страхов, Н.Соловьев, П.Щебальский). Первые пропагандируют среднее и высшее образование для женщины, добиваются для нее права трудиться в любой сфере. Вторые, взамен идей широкой эмансипации, поднимают вопросы духовности женщины и ее роли в семье. Примечательно, что участники дискуссии в 80-е годы (П. Астафьев, И. Тарасов) используют в качестве аргументации не только данные общественных наук, но и факты биологии, зоологии, антропологии и психологии. Изучая психический, физиологический мир женщины, они сопоставляют его с мужским и пытаются найти законы, определяющие разницу между полами среди живых организмов в природе.

Известно, что А.П.Чехова также занимал вопрос соотношения полов. В юности он даже собирался написать научный труд «История полового авторитета», в котором предполагал рассмотреть отношения между мужчиной и женщиной с разных точек зрения: биологической, антропологической, общественно-исторической. По всем пунктам он намеревался провести статистические исследования, на основе которых, используя приемы Ч.Дарвина и Г.Спенсера, сделать выводы и исследовать, таким образом, историю соотношения полов от низшего класса до высшего.

В 1883 году в письме брату Александру Чехов пытается определить закономерности в развитии женского и мужского начала в живой природе и в человеческом обществе: «При взгляде <.....> на естественную историю ты <.....> заметишь колебания <.....> авторитета. От клеточки до insecta авторитет равен нолю или даже отрицательной величине: вспомни червей, среди которых попадаются самки, мышцею своею превосходящие самцов. <.....> У раков, пауков, слизняков – авторитет, за малыми колебаниями, равен нолю. У рыб тоже. Переходи к несущим яйца и преимущественно высиживающим их. Здесь авторитет

мужской = закон. Происхождение его: самка сидит 2 раза в год по месяцу – отсюда потеря мышечной силы и атрофия. Она сидит, самец дерется, – отсюда самец сильней. <.....> Далее: *природа, не терпящая неравенства* и, как тебе известно, стремящаяся к совершенному организму, делая шаг вперед (после птиц), создает *mammalia*⁽¹⁾, у которых авторитет слабее. У наиболее совершенного – у человека и обезьяны еще слабее. И отсюда явствует: сама природа не терпит неравенства. Она исправляет свое отступление от правила, сделанное по необходимости (для птиц) при удобном случае. Стремясь к совершенному организму, она не видит необходимости в неравенстве, в авторитете, и будет время, когда он будет равен нолю»⁽²⁾ (П. 1, 63-64). Таким образом, по мнению Чехова, природа все время корректирует соотношение полов с точки зрения авторитета, и скоро половое неравенство исчезнет.

Чехов писал брату, что его идея оригинальна: «Я ее не украл, а сам выдумал» (П. 1, 65). Это верно лишь отчасти. Подобные суждения до него уже высказывал Н.Г.Чернышевский. Правда, он основывался не на естественно-научных данных, как Чехов, а на социально-психологических. Интересно, что само бытие человека в половой разделенности осознавалось им как свидетельство глубокого несовершенства человечества⁽³⁾.

В конце XIX века в России появляются и другие теории соотношения и развития полов. Одна из них принадлежала директору Горного департамента и сотруднику газеты «Новое время» К.А.Скальковскому. В работе «О женщинах. Мысли старые и новые» (1886) он пишет: «Люди низшего развития, как и вообще в природе низшие организмы, не имеют резких половых отличий, и женский пол очень мало уклоняется у них от мужского. Это уклонение полов друг от друга становится тем заметнее, чем выше развитие людей, и на высших ступенях его мы видим самое резкое выражение половых отличий»⁽⁴⁾. По мнению Скальковского, даже равное с мужчиной образование не позволит женщине добиться таких же успехов.

Чехову книга Скальковского стала известна сразу после ее выхода в свет: в первой редакции рассказа «Шуточка» (март 1886 года) уже содержится упоминание об ее авторе. Имя Скальковского можно встретить и в переписке Чехова (см. письма от 11 сентября и 18 октября 1888 года, 23 февраля и 11 апреля 1890 года)⁽⁵⁾.

В 1886 году Чехов пишет рассказ «О женщинах» – ответ-пародию на книгу

Скальковского, в котором высмеивает мужчин, считающих себя лучше женщин только на основании своей половой принадлежности. Чехов подробно описывает распространенные в обществе мнения о внешности, уме, моральном облике и социальной роли женщины в обществе. Ирония автора в отношении мужчин очевидна – некоторые фразы прямо указывают на это: «Как бы он ни был жилист, волосат и угреват, как бы ни был красен его нос и узок лоб, он всегда снисходительно смотрит на женскую красоту и женится не иначе, как после строгого выбора» (5, 113); «Не только великое и гениальное, но даже пошлое и шантажное пишется мужчинами» (5, 114); «Каждая богатая барыня всегда окружена десятками молодых людей» (5, 114).

Герой другого рассказа Чехова «Ариадна» (1895) Шамохин, сетуя на современное воспитание и образование женщины, призывает: «Приучайте ее логически мыслить, обобщать и не уверяйте ее, что ее мозг весит меньше мужского и что поэтому она может быть равнодушна к наукам, искусствам, вообще культурным задачам. Мальчишка-подмастерье, сапожник или маляр, тоже имеет мозг меньших размеров, чем взрослый мужчина, однако уже участвует в одной борьбе за существование, работает, страдает» (9, 131). Именно Скальковский в своей книге, ко времени выхода в свет «Ариадны» Чехова переизданной уже десятый раз, утверждал, что женщина не может быть интеллектуально равной мужчине, так как ее мозг весит меньше мужского, и, следовательно, умственные способности женщины ниже мужских.

В конце 80-х – начале 90-х годов на русском языке появляются и многократно переиздаются работы немецкого философа М.Нордау «В поисках за истиной (парадоксы)» и «Вырождение». Нордау, сравнивая отношения между мужчиной и женщиной в обществе с положением самца и самки в животном мире, выдвигает следующую теорию: у большинства животных самка сохраняет видовой тип, тогда как самцы уклоняются от него часто в значительной степени; в самках, таким образом, часто преобладает закон наследственности, а в самцах – закон личного развития; также и в людском роде женщины одноподобны, однообразны, лишены оригинальности, между тем как мужчины разнообразны, способны к изменениям, снабжены индивидуальными качествами. По мнению Нордау, распространенное мнение о разнообразии и изменчивости женщин ложно, а идеальные женские образы в литературе созданы «чувственно воспаленным воображением мужчины»⁽⁶⁾.

Чехов был знаком с работами Нордау. Об этом свидетельствуют упоминания его

имени в письме А.С.Суворину от 27 марта 1894 года: «Рассуждения всякие мне надоели, а таких свистунов, как Макс Нордау, я читаю просто с отвращением» (П. 5, 284), а также в рассказе «Ариадна»: «Эти постоянные разговоры о женщинах какой-нибудь философ средней руки, вроде Макса Нордау, объяснил бы эротическим помешательством или тем, что мы крепостники и прочее» (9, 108).

В 1897 году в России публикуется работа Ч.Ломброзо и Г.Ферреро «Женщина преступница и проститутка», в которой предлагается еще одна точка зрения на проблему соотношения полов: «.....у животных, стоящих на низшей ступени развития, женский индивид заметно превосходит мужской силой и размерами. Это превосходство самки над самцом наблюдается, начиная простейшими представителями животного мира и кончая некоторыми породами птиц. Но чем выше подниматься по зоологической лестнице, тем самец все больше и больше сравнивается с самкой, затем начинает и превосходить ее, так что у млекопитающих ему, без сомнения, принадлежит уже первая роль»; при этом «даже у тех животных, где самец уступает самке в величине и силе, он <.....> часто превосходит ее большим разнообразием и более совершенным строением своего организма»⁽⁷⁾.

Трудно сказать, был ли Чехов знаком с этой работой. Во всяком случае, ему был известен тезис Ломброзо о врожденности преступлений и об особом биологическом «типе преступника» (теория Ломброзо была популярной в то время и обсуждалась в прессе⁽⁸⁾). Герой рассказа Чехова «Задача» (1887) упоминает «школу Ломброзо», которая «не признает свободной воли и каждое преступление считает продуктом чисто анатомических особенностей индивидуума» (6, 355). Интересно, что в конце рассказа этот герой оказывается в смешном положении: племянник, которого он, ссылаясь на Ломброзо, защищал перед родственниками, шантажирует его, чтобы в очередной раз получить “легкие” деньги. О Ломброзо говорят также герои «Чайки» Медведенко и Дорн в цензурном экземпляре пьесы, где образ Медведенко предстает в несколько окарикатуренном виде. Позднее, правда, Чехов изымает это упоминание из текста.

Чехов, конечно, не был сторонником теорий Скальковского, Нордау, Ломброзо и Ферреро («эмансипаторов – публицистов» и «измерителей черепов»), доказывающими превосходство мужчин любым путем, даже физиологическим и анатомическим. Тем не менее, самостоятельно изучив роль мужчин и женщин в историческом развитии и сравнив данные разных наук, в 1883 году он приходит к таким выводам:

- «авторитет у *homo* есть: мужчина выше».
- «Женщина везде пассивна. Она родит мясо для пушек».
- «Нигде и никогда она не выше мужчины в смысле политики и социологии».
- «Она хороший врач, хороший юрист и т. д., но на поприще *творчества* она гусь. Совершенный организм – творит, а женщина ничего еще не создала».
- «Она не мыслитель» (П. 1, 64-65).

Для Чехова, таким образом, было очевидно как историческое неравенство мужчины и женщины, так и природное различие их творческих способностей. Последнее в определенной степени подтверждают нелестные замечания о женщине, сделанные им в письмах последующих лет. Например, в феврале 1887 года брату Александру: «Билибин начинает исписываться <.....> Не понимает, что оригинальность автора сидит не только в стиле, но и в способе мышления, в убеждениях и проч., во всем именно, в чем он шаблонен, как баба.....» (П. 2, 32); в декабре 1888 года А.С.Суворину: «Я не люблю, когда реалисты-романисты клеветают на женщину, но и не люблю также, когда женщину поднимают за плечи, как Южина, и стараются доказать, что если она и хуже мужчины, то все-таки мужчина мерзавец, а женщина ангел. И женщина, и мужчина пятак пара, только мужчина умнее и справедливее» (П. 3, 104-105). Впрочем, из этого не следует, что в жизни и творчестве Чехов всегда исходил из подобных, частным образом высказанных, суждений.

Примечателен в этом отношении рассказ Чехова «На пути» (1886). По мнению героини рассказа барышни Иловойской, «они, мужчины, народ беспечный, и сами для себя пальцем не пошевельнут» (5, 467). Ее собеседник, разорившийся помещик Лихарев, не отрицает этот факт, но считает, что подобные недостатки не могут изменить положение сильного пола в обществе. Герой отмечает характерные для его времени типы отношения к женщине: «Одни измеряют женские черепа, чтоб доказать, что женщина ниже мужчины, ищут ее недостатков, чтоб глумиться над ней, оригинальничать в ее же глазах и оправдать свою животность. Другие же из всех сил стараются поднять женщину до себя, т. е. заставить ее зазубрить 35000 видов, говорить и писать те же глупости, какие они сами говорят и пишут...» (5, 471-472). Сам же Лихарев считает, что «женщина всегда была и будет рабой мужчины», поскольку легко увлекается и готова идти за ним, «не рассуждая,

не спрашивая» (5, 472). Сцена прощания героев как будто доказывает его слова. Глядя на отъезжающие сани Иловойской, Лихарев думает о том, что «еще бы два-три хороших, сильных штриха, и эта девушка простила бы ему его неудачи, старость, безделье и пошла бы за ним, не спрашивая, не рассуждая» (5, 477). Однако автор “подчеркивает”, что Лихареву это лишь «показалось».....

Чехов о проблеме соотношения полов (художественная практика)

Тему своеобразия женского мировоззрения и поведения Чехов затрагивает во многих, как ранних, так и поздних, произведениях.

Так, например, рассказах «Размазня» (1883) и «Анюта» (1886) Чехов показывает отсутствие достоинства у женщины, занимающей подчиненное социальное положение. Герой первого рассказа, желая продемонстрировать гувернантке негативные последствия ее покорности, намеренно ведет себя с ней грубо и несправедливо. Во время разговора-расчета видно, что гувернантка обижена и, может быть, даже возмущена его поведением, но не говорит ему ни слова и, скорее всего, будет вести себя так и в дальнейшем. Героиня второго рассказа Анюта живет со студентом-медиком в качестве не то любовницы, не то приживалки. Ключков пользуется ею даже не как женщиной, а как вещью (изучает с помощью ее тела анатомию). Таких “ключковых” в жизни Анюты было уже четверо и неизвестно, сколько будет еще, однако у героини нет никакого стремления изменить свою жизнь.

В рассказах «Брак по расчету (роман в 2-х частях)» (1884) и «Любовь» (1886) Чехов показывает молодых женщин, основным качеством которых является отсутствие ума. Героиня первого рассказа Дашенька, «у которой на лице написаны все добродетели, кроме одной – способности мыслить» (3, 99), становится предметом купли-продажи между матерью и женихом и выглядит на своей свадьбе лишней, однако не чувствует этого (3, 99). Героиня второго рассказа Саша пишет любовные письма с ошибками, с трудом читает книги и, вероятно, была бы очень удивлена, если бы узнала, о чем думает, глядя на нее, любящий муж: «Если взять интеллигентного мальчика таких же лет и сравнить, то какая разница! У мальчика и знания, и убеждения, и умишко» (5, 91).

В рассказе «Живая хронология» (1885) Чехов с иронией показывает женщину, которая усердно занимается “общественной деятельностью”. Любовь к искусству

для председательницы местного дамского комитета неотделима от физической любви и сексуального наслаждения⁽⁹⁾ Результатом ее увлечений театром, оперой, благотворительными вечерами становится рождение четверых детей от разных мужчин.

Таким образом, Чехов признавал, что в современном обществе женщина имеет меньший авторитет, чем мужчина. Правда, он считал это временным явлением: «из того, что она еще дура, не следует, что она не будет умницей: природа стремится к равенству. Не следует мешать природе – это неразумно, ибо все то глупо, что бессильно. Нужно помогать природе, как помогает природе человек, создавая головы Ньютонов, головы, приближающиеся к совершенному организму», – утверждает он в упомянутом письме Александру, предлагая вместе изучить подробно эту проблему (П. 1, 65).

Чехов не случайно придавал большое значение природе и физиологии человека. Во второй половине XIX века в России происходят значительные изменения в научной психологии. Прежние представления о ней были подорваны анатомофизиологическими открытиями, наиболее выдающееся из которых – рефлекторная теория психики русского ученого И.М.Сеченова. В работе «Рефлексы головного мозга» (1863) он доказал возможность приложения физиологических знаний к явлениям психической жизни.

В конце XIX века между представителями традиционной идеалистической психологии и новой материалистической развернулась острая борьба. Сторонники И.М.Сеченова (И.Р.Тарханов, К.А.Тимирязев, К.Н.Устимович) доказывали, что психическая и физическая сфера человека едины. Противники (М.М.Троицкий, Н.Я.Грот, Н.Н.Шишкин) утверждали необходимость их обособленного рассмотрения. Стараясь привлечь внимание общества к традиционным психологическим теориям, они организовали в 1886 году при Московском университете психологическое общество, которое в 1889 году основало свой печатный орган – журнал «Вопросы философии и психологии».

Чехов отрицал современную ему идеалистическую психологию и симпатизировал научной психологии Сеченова. В письме А.С.Суворину от 7 мая 1889 года, рассуждая о французском писателе П.Бурже и его романе «Ученик», он замечает: «Что же касается книжной, ученой психологии, то он ее так же плохо знает, как лучшие из психологов. Знать ее все равно, что не знать, так как она не наука, а фикция, нечто вроде алхимии, которую пора уже сдать в архив» (П. 3, 207). Чуть позже он высказывается более определенно: «психические явления поразительно похожи на физические <.....> не

разберешь, где начинаются первые и кончаются вторые» (П. 3, 208).

Своим передовым естественнонаучным и медицинским взглядам Чехов был обязан близкому знакомству с научными воззрениями Д.И.Менделеева, К.А.Тимирязева, И.М.Сеченова, Н.И.Пирогова, С.П.Боткина и Ч.Дарвина. Об отношении к этим ученым можно судить по цитатам из его писем: «Читаю Дарвина. Какая роскошь! Я его ужасно люблю» (П. 1, 213), «Если увидишь лейб-медика Боткина, то скажи ему, что я иду по его стезе.....» (П. 2, 141), «.....Тимирязев, человек, которого, кстати сказать, я очень уважаю и люблю» (П. 10, 183), «Мне хотелось бы поговорить с Вами о Мечникове. Это большой человек» (П. 11, 248).

Чехов был убежден в перспективности материалистической теории: «Все, что живет на земле, материалистично по необходимости, – пишет он в мае 1889 года Суворину. – Существа высшего порядка, мыслящие люди – материалисты тоже по необходимости. Они ищут истину в материи, ибо искать ее больше им негде, так как видят, слышат и ощущают они одну только материю <.....> Воспретить человеку материалистическое направление равносильно запрещению искать истину. Вне материи нет ни опыта, ни знаний, значит, нет и истины» (П. 3, 208).

Таким образом, Чехову были близки передовые научные идеи его времени. В нем, как и в Гете, «рядом с поэтом прекрасно уживался естественник» (П. 3, 216). Именно поэтому он «никогда не игнорировал человеческую природу, те природные свойства индивида, которые оказывают порой сильнейшее влияние на общественные функции его героя и реальный процесс его жизни в обществе»⁽¹⁰⁾.

По мнению исследователя Е.Б.Меве, свой труд «История полового авторитета» Чехов задумал во многом под влиянием эволюционной теории Дарвина (он был знаком с его работами «Происхождение человека и подбор по отношению к полу», «Прирученные животные и возделанные растения»)⁽¹¹⁾. Однако Чехов не стал осуществлять свой план. Через некоторое время он предложил Александру разработать свой проект в виде диссертации: «Как-то на праздниках в хмельном виде я написал тебе проект о половом авторитете. Дело можно сделать, но сначала нужно брошюрой пустить. Тема годится для магистерской диссертации по зоологии..... Возьмись-ка!» (П. 1, 72). Отказ Чехова от научной работы, возможно, был связан с тем, что его взгляды на сущность проблемы изменились. В частности, он пришел к выводу, что в природе женщины есть много сложного и непонятного и что не так уж сильно отличается женский внутренний

мир от мужского. Доказательством тому служат его произведения.

Примером чеховской героини, поведение которой таинственно и необъяснимо, является Ольга Скворцова из повести «Драма на охоте» (1884). Почти все знакомые Ольги считают ее гордой и развратной, но главному герою Камышеву во время первой встречи она не кажется такой: ««В высшей степени достойная особа» представляла из себя девятнадцатилетнюю девушку с прекрасной белокурой головкой, добрыми голубыми глазами и длинными кудрями» (3, 364). Приятное впечатление на него производит и дом Ольги: «Уютно, чистенько и тепло..... На всем заметно присутствие женщины. Даже этажерочка с книгами глядит как-то невинно, по-женски, словно ей так и хочется сказать, что на ней нет ничего, кроме слабеньких романов и смиренных стихов...» (3, 269). Совсем другие чувства вызывает у Камышева фотография Ольги на столе в его доме: «Здесь белокурая головка представлена во всем суетном величии глубоко павшей красивой женщины. Глаза, утомленные, но гордые развратом, неподвижны. Здесь она именно та змея, вред от укушения которой Урбенин не назвал бы преувеличенным» (3, 266). Именно сочетание в Ольге «продажности» и «невинности» поражает видавшего виды Камышева и, в конце концов, толкает его на преступление: «Ранее знавал я продажных женщин, покупал их, изучал, но у тех не было невинного румянца и искренних голубых глаз <.....> ранее не знал я, что червонцы могут растворяться в грязи и смешиваться с нею в одну массу» (3, 346).

Сложной и противоречивой натурой предстает также героиня рассказа «Тина» (1886) Сусанна Моисеевна – по признанию многих, роковая женщина. Сусанна Моисеевна хорошо знает психологию мужчин и пользуется этим, чтобы поймать их в свои сети. Она старается не победить мужчину, а наоборот, показать ему свою слабость: «Я себя очень люблю, но когда мне напоминают, что я женщина, то я начинаю ненавидеть себя» (5, 365). Усыпляя таким образом активное начало в мужчине (она кажется ему в этот момент «славной»), Сусанна Моисеевна использует его в своих целях. Вот какую характеристику дают ей герои рассказа: «Первый раз в жизни наскочил на такое чудовище! Не красотой берет, не умом, а этой, понимаешь, наглостью, цинизмом.....» (5, 372); «Кажется, с ведьмами жил, а ничего подобного не видывал. Именно наглостью и цинизмом берет. Что в ней завлекательно, так это резкие переходы, переливы красок, эта порывистость анафемская..... Бррр!» (5, 374).

На Сусанну Моисеевну похожи героини более поздних произведений Чехова:

Ариадна («Ариадна»), Анна («Анна на шее») и Аксинья («В овраге»).

Героиня рассказа «Ариадна» (1895) с ранних лет была уверена, что она «очаровательна, божественна» и «воображала себя в будущем не иначе, как очень богатою и знатною.....» (9, 112). Чтобы воплотить свою мечту в жизнь, Ариадна выбрала самый легкий путь: она лгала, лицемерила, играла на чувствах близких. И действительно, мужчины шли у нее на поводу, хотя испорченность Ариадны мешала им по-настоящему ее любить. Не удивительно, что главный герой рассказа Шамохин дает ей противоречивые характеристики. С одной стороны, он отмечает в ней привлекательные черты: она была «ласкова, разговорчива, весела, проста в обращении, поэтично верила в бога, поэтично рассуждала о смерти, и в ее душевном складе было такое богатство оттенков, что даже своим недостаткам она могла придавать какие-то особенные, милые свойства» (9, 111), с другой – отталкивающие: «она была дьявольски хитра и остроумна <.....> Ей ничего не стоило даже в веселую минуту оскорбить прислугу, убить насекомое; она любила бои быков, любила читать про убийства и сердилась, когда подсудимых оправдывали» (9, 128).

Героиня рассказа «Анна на шее» (1895), молодая, красивая, скромная девушка из бедной семьи, ради своего больного отца и маленьких братьев выходит замуж за старого, некрасивого, но богатого господина. Первое время после свадьбы Аня чувствует себя очень несчастной: у нее нет денег, она боится мужа и даже обедать ходит к отцу. Но потом Аня понимает, «что близость старого мужа несколько не унижает ее, а наоборот, кладет на нее печать пикантной таинственности, которая так нравится мужчинам» (9, 169). Жизнь ее резко меняется: из милой, скромной девушки она превращается в женщину-хищницу, которая чувствует себя королевой, а мужчин – рабами и которая не думает о своем прежнем доме и о своих обязанностях по отношению к близким.

Героиню повести «В овраге» (1900) Аксинью отличает необычная внешность: с одной стороны, в ней есть что-то наивное, с другой – жестокое: «У Аксиньи были серые наивные глаза, которые редко мигали, и на лице постоянно играла наивная улыбка. И в этих немигающих глазах, и в маленькой голове на длинной шее, и в ее стройности было что-то змеиное; зеленая, с желтой грудью, с улыбкой, она глядела, как весной из молодой ржи глядит на прохожего гадюка, вытянувшись и подняв голову» (10, 155). Сходство с гадюкой оказывается для Аксиньи не только внешним: вылив

ковш кипятка на грудного ребенка, она, как замечает автор, «прошла в дом, молча, со своей прежней наивной улыбкой.....» (10, 172)⁽¹²⁾.

Безусловно, взгляд Чехова на проблему соотношения полов не был односторонним. Те “замечания”, которые он сделал в письме брату Александру в апреле 1883 года в отношении женщины, подходят и к его мужским образам.

Герой рассказа «Невидимые миру слезы» (1884) воинский начальник Ребротесов живет под каблуком у жены, но скрывает свои истинные семейные отношения от окружающих: чтобы поесть приготовленную для него еду и накормить гостей, он готов унижаться, терпеть оскорбления и побои. Очевидно, у него, как и у героини рассказа «Размазня», отсутствует чувство собственного достоинства.

В рассказе «Живая хронология» (1885) Чехов с иронией показывает мужа-глупца, который, потакая жене в ее увлечениях искусством, не замечает, что она уже давно наставила ему рога: из четверых детей, которых воспитывает статский советник Шарамыкин, ни один не является ему родным.

Не настолько глупым и все же проигрывающим жене в отношении умственных способностей предстает перед читателем герой рассказа «Он и она» (1882). Ситуация здесь обратна той, которая описывается в рассказе «Любовь». Она – европейская женщина, известная певица, образованная и умеющая подать себя в обществе. Он – не дворянин, не образован (его «исключили из первого курса университета за дерзости»), а его письма до сих пор пестрят ошибками (1, 245), живет за счет жены и вообще не заботится о своей репутации.

На героиню из рассказа «Живая хронология» похож Владимир Семеныч из рассказа «Хорошие люди» (1886). Он – писатель, однако о его литературной деятельности автор говорит с иронией: «его страсть знакомиться с известными литераторами, способность находить таланты даже там, где их нет, постоянная восторженность, пульс 120 в минуту, незнание жизни, та чисто женская взбудораженность, с какою он хлопотал на концертах и литературных вечерах в пользу учащейся молодежи, тяготение к молодежи – все это создало бы ему репутацию «пишущего», если бы даже он и не писал своих фельетонов» (5, 413). Творческие способности Владимира Семеныча проявляются особенно ярко, когда он с вдохновенным лицом возлагает венок на гроб какой-нибудь знаменитости или с важным, торжественным выражением собирает подписи. Вряд ли можно согласиться с тем, что именно в этом заключается

смысл творчества и служения искусству.

Для чеховских героев-мужчин характерны не только глупость и бездарность, но и лживость, жестокость, лицемерие, эгоизм. В этом смысле показателен «Рассказ неизвестного человека» (1893). Большинство героев здесь так или иначе вызывают неприязненное к себе отношение. Юриконсульт Пекарский не понимает простых человеческих вещей: почему «люди скучают, плачут, стреляются и даже других убивают, почему они волнуются по поводу вещей и событий, которые их лично не касаются, и почему они смеются, когда читают Гоголя или Щедрина.....» (8, 145). Действительный статский советник Кукушкин – карьерист до последней капли крови, «притом карьерист мелкий, неуверенный в себе, строивший свою карьеру на одних лишь подачках», ради которых он готов идти «на какое угодно унижение, кланяться, льстить, обещать» (8, 146). Сын генерала Грузин живет с семьей в долг, «занимая где и у кого попало, при всяком удобном случае, не пропуская даже своих начальников и швейцаров», изменяет жене, а детей любит, только когда их видит (8, 147). И наконец, чиновник Георгий Иванович Орлов – человек, который живет исключительно для своего удовольствия. Свою слабость и порочность он скрывает под маской цинизма, перекладывая ответственность и вину за все происходящее на женщину.

Еще один примечательный факт: в произведениях Чехова можно заметить сходство между героями и героинями, которые на первый взгляд не имеют между собой ничего общего. Например – между Осипом Дымовым из рассказа «Попрыгунья» (1892) и Ольгой Семеновной Племянниковой из рассказа «Душечка» (1899). Врач Осип Дымов – «молчаливое, безропотное, непонятное существо, обезличенное своею кротостью, бесхарактерное, слабое от излишней доброты» – называет свою жену «мама», покорно исполняет все ее поручения и закрывает глаза на ее измены (8, 28). В конце рассказа читателю становится жалко героя: ведь он «служил науке и умер от науки», работая, «как вол, день и ночь», чтобы «платить <.....> за эти... подлые тряпки» (8, 30). Однако, возможно, Дымова устраивала жизнь, которую он вел: когда Ольга Ивановна играла с ним, как с куклой, – наряжала его в бедуина, – ему было весело: «Ольга Ивановна сидела около него и горько плакала, но, когда ему полегчало, она надела на его стриженую голову беленький платок и стала писать с него бедуина. И обоим было весело» (8, 12). А когда она переживала из-за неверности любовника, он ее утешал: «Не плачь громко, мама..... Зачем? Надо молчать об этом..... Надо не подавать вида.....»

Знаешь, что случилось, того уже не поправишь» (8, 23).

По поводу Ольги Семеновны, героини рассказа «Душечка», до сих пор ведутся споры: является она собой «воплощение самых типичных женских качеств» или это «насмешка обидная над женщиной» (10, 409, 410). Главное качество Ольги Семеновны – умение любить, заботиться, “растворяться” в близком человеке. При этом она начисто лишена каких-либо претензий на самостоятельность. Дело в том, что у нее отсутствует способность критически оценивать поведение и поступки близких ей людей. В этом она и похожа больше всего на героя рассказа «Попрыгунья» Осипа Дымова.

Сходство между мужчиной и женщиной можно увидеть и в рамках одного произведения Чехова. Например – в повести «Драма на охоте». Во-первых, герой и героиня здесь похожи внешне: они красивы, грациозны и “женственны”. Еще в начале повести рассказчик замечает, что в движениях Камышева «сквозят воспитанность, легкость, грация и даже <.....> некоторая женственность» (3, 242). Подобным образом он характеризует его и в конце: «Мысль, что я вижу перед собой убийцу, наполняла мою душу непривычным чувством ужаса и страха..... не за себя – нет! – за него, за этого красивого и грациозного великана... вообще за человека.....» (3, 410). Но и сам Камышев отмечает во внешности Ольги такие же черты: «Никогда в другое время я не видел ничего прекраснее, грациознее и в то же время жалче.....» (3, 326); «Когда она успела научиться так грациозно покачиваться на седле, гордо шевелить ноздрями и щеголять повелительными жестами?» (3, 354). Во-вторых, между ними есть внутреннее сходство: они эгоистичны, жестоки и безудержны в своих желаниях. И Камышев, и Ольга живут только для себя: он лелеет свою гордость, она – свое тщеславие. Именно из-за гордости Камышев бросает Надю Калинину⁽¹³⁾ и, возможно, убивает Ольгу. Именно из-за своего тщеславия Ольга выходит замуж за Урбенина, а затем изменяет ему с другими мужчинами. Будучи распушенными по натуре, Камышев и Ольга играют на чувствах окружающих людей, предают их и друг друга. Оценивая впоследствии свое поведение по отношению к Наде Калининой, Камышев приходит к выводу: «Теперь, когда я могу глядеть беспристрастно на прошлое, я не объясню свою жестокость состоянием души..... Мне сдается, что, не давая ей ответа, я кокетничал, ломался» (3, 331). Таким же подлым и предательским является поведение Ольги по отношению к Урбенину: «Ей мало того, что она бежала от него, опозорила его на весь уезд. Ей нужно было еще предать его! Такое маленькое, необъемистое тело, а сколько в

нем таится всякой мерзости!» (3, 351), – возмущается Камышев, узнав, что Ольга оклеветала своего мужа перед графом.

Есть много общего и у героев повести «Дуэль» (1891) Надежды Федоровны и Лаевского. Они приезжают на Кавказ для того, чтобы вести деятельную, трудовую жизнь, однако внутренне к этому не готовы: Лаевский живет в долг, Надежда Федоровна не выполняет обязанности жены и хозяйки. Необходимость решения повседневных бытовых проблем, внимательное отношение к любимому человеку, ответственность за свои поступки – вот о чем забывают Надежда Федоровна и Лаевский, находясь в плену иллюзий, и поэтому по прошествии времени их отношения становятся похожи на отношения между чужими людьми, а любовь превращается в муку. В конце повести в поведении героев происходят изменения, но насколько они глубоки и реальны, читатель должен решать сам.

Даже на первый взгляд заметно сходство героев рассказа «Дом с мезонином» (1896) художника и Мисюсь. Они ведут одинаковый образ жизни: Мисюсь «не имела никаких забот и проводила свою жизнь в полной праздности» (9, 178), а художник, по его собственному признанию, был обречен «судьбой на постоянную праздность» и «не делал решительно ничего» (9, 174). Герои вместе мечтают «отдаться духовной деятельности» (9, 188) и «освободить людей от тяжкого физического труда», чтобы они «могли бы пошире проявить свои духовные способности» (9, 185). Однако их отношения заканчиваются, не успев начаться, поскольку та жизнь, о которой они любили мечтать вдвоем, была слишком далека от реальности.

Общие черты присутствуют в характере и судьбе героев рассказа «Ионыч» (1898) Дмитрия Ионыча Старцева и Екатерины Ивановны Туркиной. В юности Котик любила музыку и собиралась посвятить ей свою жизнь: «хотела быть артисткой», хотела «славы, успехов, свободы» (10, 34). Для этого она ежедневно упражнялась на рояле, а затем, отказавшись от замужества, уехала в Москву поступать в консерваторию. Однако, вернувшись через несколько лет в родной город, она уже более трезво смотрит на свою жизнь. «Я тогда была какая-то странная, воображала себя великой пианисткой. Теперь все барышни играют на рояле, и я тоже играла, как все, и ничего во мне не было особенного; я такая же пианистка, как мама писательница» (10, 38), – говорит она своему бывшему жениху Ионычу. Но и теперь она ошибается, поскольку Ионыч ей кажется «идеальным, возвышенным» человеком, у которого есть «работа, благородная

цель в жизни» (10, 38-39), тогда как на самом деле он уже давно опустил, думает только о деньгах и его жизнь «проходит тускло, без впечатлений, без мыслей» (10, 38).

Похожа судьба и у героев рассказа «О любви» (1898) Алехина и Анны Алексеевны. Помещик Алехин еще в молодости влюбился в жену своего товарища Лугановича. У него были прекрасные отношения со всеми членами семьи: муж его уважал, дети принимали за своего, а сама Анна Алексеевна явно испытывала к нему сильные чувства. Но любовь Алехина и Анны Алексеевны осталась тайной, которую они скрывали даже от себя. Оба они не хотели разрушить счастье близких и дорогих им людей. И хотя Алехин не понимал, как могла такая молодая, красивая, умная женщина выйти замуж «за неинтересного человека, почти за старика» (10, 72), иметь от него детей, а у Анны Алексеевны с течением времени появилось «дурное настроение», «сознание неудовлетворенной, испорченной жизни» (10, 73), они не решились изменить свою жизнь. Только во время последней встречи у героя появляется ощущение невосполнимой утраты, мысли о том, что обстоятельства, которые мешали им соединиться, были вполне преодолимы.

Заключение

Итак, творчество Чехова относится к особому периоду в истории России и литературы. В это время читающей публике предлагается огромное количество различных теорий и научных методов, в том числе и касающихся проблемы соотношения полов. В 1883 году Чехов внимательно изучает научные достижения Ч.Дарвина и, отрицая многие современные теории (К.А.Скальковского, М.Нордау, Ч.Ломброзо и Г.Ферреро), доказывающие превосходство мужчин любым путем, даже физиологическим и анатомическим, высказывает мысль о несовершенстве женской природы, которое, правда, считает временным явлением. Творчество Чехова в какой-то степени дополняет, а в какой-то степени опровергает высказанную им в юности теорию. В некоторых рассказах и повестях он высмеивает отрицательные качества, свойственные, по его мнению, женщине. В то же время подробный анализ чеховских произведений показывает: между женщиной и мужчиной есть много общего, включая недостатки. Размышляя над поведением и поступками своих героев, Чехов приходит к выводу: человеческая душа так сложна, а природа так противоречива, что любая теория,

которая попытается их объяснить, будет далека от совершенства.

Notes:

- (1) млекопитающих (лат.).
- (2) Все цитаты из произведений Чехова в статье приводятся по изданию: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М., 1972-1984. В скобках после цитат указываются номер тома и страницы.
- (3) В письме Ю.П.Пыпиной от 25 февраля 1878 года он утверждал: «Но когда-нибудь будут на свете только “люди”; ни женщин, ни мужчин (которые для меня гораздо нетерпимее женщин) не останется на свете. Тогда люди будут счастливы». – См.: Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15-ти т. Т. 15. М., 1950. С. 152.
- (4) Скальковский К.А. О женщинах. Мысли старые и новые. СПб., 1886. С. 71.
- (5) Скальковский и Чехов были знакомы лично. – См.: Дневник А.С.Суворина. М., 2000. С. 318.
- (6) Нордау М. Психофизиология гения и таланта. СПб., 1908. С. 11-13.
- (7) Ломброзо Ч., Ферреро Г. Женщина преступница и проститутка. Киев, 1897. С. 11.
- (8) См., например: Тарновский Е. Очерк развития преступлений против жизни // Русская мысль. 1887. № 4.
- (9) Та же тема звучит в написанном позднее рассказе «Попрыгунья» (1892).
- (10) Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М., 1979. С. 199.
- (11) Последняя книга находилась в библиотеке Чехова. – См.: Балухатый С. Библиотека Чехова // Чехов и его среда. Л., 1930. С. 367.
- (12) По воспоминаниям С.Н.Щукина, Чехов взял этот факт из реальной жизни: «А знаете, – сказал А.П. Чехов, – вот то, что мальчика Липы обварили кипятком, это не исключительный случай; земские врачи нередко встречают такие случаи». – См.: Чехов в воспоминаниях современников. М., 1954. С. 543.
- (13) Герой сам в этом признается: «виноват не я, а моя проклятая гордость, не дающая мне жить, дышать, ступить шаг. Гордость, глупая, фатовская, полная суетности» (3, 305).

Литература

Астафьев П.Е. (1881). Психический мир женщины, его особенности, превосходства и

недостатки. М.

Бакунин П.А. (1881). Запоздалый голос сороковых годов (по поводу женского вопроса). СПб.

Балухатый С. (1930). Библиотека Чехова // Чехов и его среда. Л.

Безобразов П.В. (1892). О современном положении женщины. М.

Головачева А.Г. (1983). «От «Попрыгуньи» к «Душечке» // Чеховские чтения в Ялте. М.

Дневник (2000). А.С.Суворина. М.

Катаев В.Б. (1979). Проза Чехова. Проблемы интерпретации. М.

Катаев В.Б. (1998). Сложность простоты. Рассказы и пьесы Чехова. М.

Кузнецова М.В. (1978). Творческая эволюция А.П.Чехова. Томск.

Ломброзо Ч., Ферреро Г. (1897). Женщина преступница и проститутка. Киев.

Лотман Ю.М. (2001). Беседы о русской культуре. СПб.

Нордау М. (1892). В поисках за истиной (Парадоксы). СПб.

Нордау М. (1908). Психофизиология гения и таланта. СПб.

Скальковский К.А. (1886). О женщинах. Мысли старые и новые. СПб.

Тарновский Е. (1887). Очерк развития преступлений против жизни // Русская мысль. № 4.

Чехов в воспоминаниях современников. (1954).М.

